

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 36-й

№ 17 (4913)

ВТОРНИК, 9 ФЕВРАЛЯ 1965 г.

ЦЕНА 4 коп.

ЛЮДИ И ФАКТЫ

● «В. И. Ленин и Татария» — так называется новый сборник документов, материалов и воспоминаний, выпущенный Татарским книжным издательством к 95-й годовщине со дня рождения великого вождя.

В книгу вошли ленинские письма, резолюции и пометки, сделанные с мизантропией, воспоминания о пребывании Ильича в Казани и Кочешкине в 1887—1889 годах. Составитель сборника Ю. Вурнашев и М. Сайдашева рассказали для этого издания о работе донимателя до сих пор не опубликованных, рассказывающих о внимании Владимира Ильича к Татарии, о роли Ленина в социалистическом строительстве республики.

● Новые пьесы и спектакли, подготовка к 50-летию Великого Октября и вопросы современной украинской драматургии — так можно назвать тему разговора, который шел на совместном заседании президиума правления Союза писателей УССР с представителями республиканского Министерства культуры и Государственного комитета Совета Министров УССР по печати.

● В расширенной информации о работе украинской драматургии выступил В. Минин. Назначены конкретные меры, направленные на активизацию творческой деятельности драматургов и театров по подготовке репертуара и знаменательные даты — 50-летию Советской власти.

● «Уральская новь» — так называется газета, которая вышла в Челябинске. Она выпущена Челябинским отделением Союза писателей РСФСР в связи с предстоящим съездом писателей Российской Федерации.

● На двенадцати полосах опубликованы стихи, отрывки из произведений южноуральских авторов, посвященные 50-летию Октябрьской революции. Стихи Л. Татариновой, прочитанные в Челябинске, и поэма М. Гроссманна «Цыганка», стихи «Театр и писатель» Штурмука и «Письмо из Парижа» — невестину перепишу Р. Тагора и В. Юрзванского.

● Библиотека Московской орден Ленина сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева в нынешнем году исполняется 10 лет. В ее фондах — около полутысячи научных книг по сельскому хозяйству.

● Многие поколения русских, советских агрономов пользовались библиотечной академии. Здесь много книг с авторскими и библиографическими читателями — профессорами, воспитанниками академии И. А. Стебута, Д. Н. Приходько, М. Ф. Вавилова, В. В. Вильяма, М. Ф. Иванова, М. И. Придорогина, Е. А. Богданова, И. А. Кабулова, В. П. Горюхины, И. Я. Давыдова, П. И. Лисицына и других.

● Библиотека обслуживает за год больше 12 тысяч человек. Кроме того, в постоянно пользуются 196 учреждений нашей страны и 11 зарубежных.

● «Клуб друзей Маяковского» создан при Дворце культуры Калининского полиграфического комбината.

● Здесь часто выступают с чтением стихов Маяковского в рабочих, студенческих, школьных аудиториях, широко пропагандируют творчество любимого поэта.

● В Дворце культуры создан музей В. Маяковского, где собраны многочисленные книги, о нем, а также некоторые материалы, связанные с его жизнью и творческим путем.

● Члены «Клуба друзей Маяковского», продолжая традиции «Огонь РОСТА», готовят и выпускают планы на местные темы.

● «Страницы неизданных книг» — так называется повесть, которую показала на днях Мурманская студия телевидения.

● Она была посвящена поэту, фортепиано корреспонденту «Ярской звезды» Константину Вельяну, поэту, поэту Отечественной войны, Перу сверяющая Константина Вельяна принадлежит стихи и проза С. Савера, о нелегком рыбацком труде, о покорителях Арктики.

● Сейчас местное издательство готовится к печати книга издательства Фашинской Германской сборник стихов поэта-анарха.

Павлодарская область. На правом берегу среднего Иртыша раскинулась строительная площадка аэсостанции Ударной комсомольской стройки Ермаковской ГРЭС. «Работать сегодня лучше, чем вчера, а завтра — лучше, чем сегодня!» — под таким лозунгом энергостроители несут трудовую вахту в честь выборов в местные Советы. На снимке: монтаж дымового устройства ГРЭС. Эту работу строители решили закончить досрочно. Фото И. Нуртганина (Фотокорреспондент ТАСС)

В общественных советах СП СССР

В Союзе писателей СССР состоялись совещания общественных советов по литовской и азербайджанской литературе.

Начемены планы работы советов. Председателем Совета по литовской литературе избран Л. Озеров, заместителем — В. Огнев.

Председателем Совета по азербайджанской литературе избран В. Василевский, заместителем — А. Шариф.

В работе совещаний приняли активное участие видные писатели, критики, литературоведы, переводчики.

Интервью Кайсын КУЛИЕВ: КНИГИ МОИХ ЗЕМЛЯКОВ

Только что вышла в свет книга стихов Тазили Зуманкуловой «Дым очага». Прочел ее с большим удовольствием. Я постоянно слежу за творческим ростом молодой поэзии и должен сказать, что в последние годы ее поэтическое дарование расширяется удивительно широко и многогранно. Ее стихи глубоко драматичны. Зуманкулова поднимается в своих произведениях до больших философских обобщений. Интересно, на мой взгляд, поэма «Борьба поэтов», Тазили называет первой балмазской поэмой. Однако сама она пишет, что у нашего народа было очень много талантливых писателей. Но ни на суждение было выйти в большой мир... Борьба поэтов — это поэма о борьбе за мир, наполненная верой в красоту и величие человека.

— СКОРО — ПРЕМЬЕРА —

Отцы и дети Кичигины

«Десять часов утра, а я иду в Московский Художественный театр. Необычно в это время театр. Тишина, полумрак, пустые ложи. Одиноко в них превращено «выгородками» в покое будущей звезды героя романа Виктора Лавровых «Чти отца своего»... Пролет двести метров, и Художественный театр распахнет нам историю семьи Кичигиных, наших современников. Конфликт пьесы носит, на первый взгляд,

«узкосемейный» характер. У Кичигиных вырос сын Максим. Никто никогда бы и не узнал, что Максим — не родной сын Софии Ивановны, если бы не дед Капитон. Чуть ли не через двадцать лет приехал он и Кичигиным, чтобы заявить свои «права» на внука.

Семейный конфликт? Нет, конечно. А. Тарасова (я пришла на репетицию в те дни, когда артисты Художественного театра уже готовились и поехали в Америку), которая

ЛАВРОВЫЙ ВЕНОК ПОБЕДЫ

Я познакомился с Ингой Ворониной в 1952 году, во время соревнований на первенство Москвы. Кэтот на Плющихе — теперь «Спартак» — был забавен в тот день спортсменкой, «блещущим» за своих одноклассников, за двенадцать. Смотрю, на старт выходит девушка. Встаю. Ну, думаю, сейчас стартеры, «продышат» на старт. Нет! Стремительно вырвалась вперед, всех оставила позади, закончила без первой в своей пьере.

Оказалось, она не новичок в спорте, занималась у нас в «Динамо» в секции гребли. Пришла на каток в общем-то случайно, и вот — небольшая, но победа... На первый успех Инги сразу же обратил внимание. Она начала тренироваться у Зои Холщениковой, заслуженного мастера спорта, в про-

шлом участницы соревнований на первенство мира. «Сегодня Инга Воронина четвертый раз увенчана лавровым венком. Четыре победы из семнадцати, принадлежащих советским спортсменкам по скоростному бегу на коньках, по праву принадлежат ей. Такого триумфа не знал еще никто, — Инга удостоилась звания абсолютной чемпионки мира в 1957, 1958 и 1962 годах. Гордость спортсмена — возможно большее количество лет удерживать звание рекордсмена. И мне хочется еще раз повторить слова, которые я сказала в день победы Инге Ворониной: — Bravo, Инга! Рекорда наш — динамовский. Успех!»

На снимке: чемпионка мира Инга Воронина. Фото В. Шандрина (Фотокорреспондент ТАСС)

Мария ИСАКОВА, заслуженный мастер спорта, трехкратный чемпион мира по скоростному бегу на коньках

ЗА КУЛИСАМИ СОБЫТИЙ В ЛАОСЕ

С ВЕРХУ, с высоты примерно две-три тысячи метров, джунгли напоминают сплошную посадку цветной капусты. Кажется, что земля покрыта плотными кудрявыми коцками, изредка перемежающимися плоскими рисовыми полями. Под крылом самолета, словно гигантская змея, извивается река Меконг... Полтора часа лета, — и самолет камбоджийской авиакомпании приземляется в административной столице Лаоса — Вьентьяне.

17 АПРЕЛЯ прошлого года в Долине Кувшинов, в брезентовой палатке, раскинутой там, где еще совсем недавно шла перестрелка, проходили переговоры трех лаосских политических деятелей с целью нормализации внутреннего положения в стране. Первый день переговоров окончен. Принц Суванна Фума объявлен, он сообщает многочисленным местным и иностранным журналистам о своей уверенности в успехе встречи. На следующий день, 18 апреля, переговоры продолжатся. В 12 часов над площадкой перед деревянным баром, где разместились корреспонденты, приземляется вертолет. Из него бережно выносятся пи-

РЕПОРТАЖ С БЕРЕГОВ МЕКОНГА

шущую машинку: договорились и готовят совместное заявление? Через два часа полное разочарование — Суванна Фума сообщает представителям печати о провале переговоров... Что же произошло? Почему так внезапно переговоры в Долине Кувшинов закончились неудачей?

Примерно за месяц до описанных выше событий в одном из южновьетнамских городов состоялась другая, на первый взгляд ничем не примечательная встреча, сведения о которой просочились тогда в западную печать.

Разговор шел на английском языке. Это была тайная встреча американского и южновьетнамского представителей с одним из лидеров крайних реакционных правых кругов Лаоса. Спустя немногим больше месяца после этого, в тот самый день, когда в Долине Кувшинов принц Суванна Фума с улыбкой говорил журналистам о своих надеждах на благоприятный исход переговоров, печать Таиланда сообщила сенсационную новость: «Переговоры во Вьентьяне» Это сообщение появилось 17 апреля 1964 года. Тогда во Вьентьяне все было спокойно. Очередная «утка» падкой на сенсации буржуазной прессы? Как оказалось, нет, — отличная

осведомленность о событиях, которые еще только наступят: 18 апреля переговоры в Долине Кувшинов были прерваны, а в 4 часа утра 19 апреля в столице Лаоса раздался выстрел — в городе произошел переворот, о котором таиландская печать сообщила за два дня до начала...

ПРИМЕРНО через месяц после апрельского переворота американская авиация начала проводить систематические налеты на территорию, контролируемую патриотическими силами — Патет-Лао, в особенности в Среднем и Нижнем Лаосе. А в октябре прошлого года, когда в Париже шло совещание между представителями трех лаосских политических сил с целью установления мира в стране, началось прямое военное вмешательство США. Американская военщина, опираясь на реакционные группировки, развернула в трех районах Патет-Лао, граничащих с Южным Вьетнамом, операцию «Побеждающая стрела». И в это же самое время лаосские правые начали еще одну операцию, на этот раз политическую, а не военную. Они объявили, что

А ВОТ и Рахима Исламова! Я торопливо оборачиваюсь. Но мне идет пожилая хрупкая женщина в темном пальто, бурках, пуховом платке, накинутом поверх веселой тюбелейки. Мне бы шагнуть ей навстречу, а я застыла на месте и в волнении всматриваюсь, всматриваюсь в нее. Много слышала я об этой женщине-легенде. Много размышляла я о ее жизни, завидной, несмотря на то, что не было в ней, кажется, ни одного дня, про который можно сказать «легкий день». Исламова ведет меня в светлый дом с высокими потолками, длинными голубоватыми дверями, голландкой, густо покрытой черной краской. Пахнет свежими мытыми полами и дымом.

Это наша колхозная штаб-квартира в время хлопковой кампании. Мой второй, нет, пожалуй, основной дом. — Голос у Исламовой приглушенный, с нотками прорывающимся сильным нотками. — Садитесь поближе к печке, небось замерзли с дороги? Лицо Рахимы Исламовой притягательно. На смуглом лбу, возле глаз и губ — морщинки: скупые строгие линии, как бы от реза гравера, искусно запечатлевшего тяготы пережитого. Но владычествуют глаза — два неумных черных солнца. Увидя их вблизи, я невольно вспомнила совсем недавний эпизод из ее предельно будней...

В декабре Исламова категорически — вопреки непродуманному указанию из района — запретила выводить школьников на поля. — Как я на это решилась? Против подобных случаев воюют сейчас все и Москва, и Ташкент. Есть специальное постановление — не отвлекать детей от занятий. Ребяткам надо учиться наукам. К тому же сваченный морозом хлопок — это хлопок четвертого сорта. Он дает лишь пустые проценты и годится разве что для

звонких рапортов. Государству от него нет выгоды, а колхозу он — прямая убыль. На меня тут отдельные местные товарищи нажимали, будто я подвожу Катта-Курганский район. — Лицо Исламовой становится усталым и властным. — А зачем нам план, слава любой цене? Исламова двигается по комнате, устранив явный для нее одной непереклад. Мне с ней легко и просто. Может быть, потому, что наша беседа началась с разговора о школьниках, я прошу ее рассказать о детстве.

ОНА очень хорошо стала учительницей: учителя одевались не так, как все. Отец жестоко избивал ее каждый раз, как только она облачалась в европейское платье, ботинки и чулки. Когда он (повзрослев) потребовал пожить с ученой и надеть паранджу, Рахима сказала «нет». Ударила, как хворостинка, по голубой ленте ученической паранджи, а вечером она была главной нагрузкой двенадцатилетней комсомолки — первой комсомолки в глухом Катта-Кургане.

Потом ее, как она любит говорить, «княжил комсомол» — она была секретарем райкома. Накаленная ненависть, клевета, проклятия, сплетни преследовали Рахиму Исламову и тех девушек и женщин, что, поверив в новые, человеческие законы, шли за ней. Когда однажды в руке молодой, увенчанной чалмой девушки блеснул нож, она не опустила глаз.

— Вам не было страшно? — «Ж такая я родилась, наверное: ничего не боялась, кроме сабака. Один раз родился, один раз умирает. — Исламова снимает тюбелейку и опять надевает ее. Это ее характерный жест. — Мне ничего не доставало: легко. Но какую полноту счастья изведала я в те годы!... Она повторила задумчиво — Полноту счастья... Каждый день наполнял сердце Рахимы новой радостью — за девушку, получившую диплом, за женщину, впервые переступившую порог ичкары, за себя — их подругу и вожака. За свою разделенную любовь.

Исламова прерывает рассказ, медлит, словно не отваживаясь вернуться в душе сокровенное. Рука — белоснежная скатерть особенно подчеркивает ее сухожающую смуглоту — поглаживает край стола.

— Он был удивительный... Скромный. Найдет кишмишницу и ту поделит с тобой пополам. В тридцать восемь лет даже близкие, с которыми я чай пила из одной пилы, поверили, что я враг народа. Он не верил. Я видела его еще два раза. Он приезжал ко мне в Кюми, в сельку... Добровольно ушел на фронт. За пять дней до победы.

— Как вы молчим, и кажется, обе не замечаем этого. Наконец я обращаюсь к ней, тихо-тихо: — Как вы возвращались из Кюми? — «Я оказалась в портовом городе, Олла. Время военное, у меня voltak документы. Мило все шло и шла люди, и так до темноты. Потом не старая еще женщина спросила: «Что, дочка, стоишь?» — и повела меня к себе. Половину комнаты занимала печь. Женщина сварила картофельный суп, поставила на стол вино, и мы выпили за мое будущее. Это было первое вино в моей жизни... Утром она проводила меня на вокзал и, как я ни отнекивалась, сунула мне хлеба и картошки в мундире. — Голос не слышится Рахиму-апа, и она отходит к окну.

Я почувствовала, что эту женщину в портовом городе и ту картошку в мундире Исламова запомнила отчетливее, глубже, чем горестные подробности тюрьмы и ссылки. Видимо, таковое свойство сильных душ... Она вернулась в Катта-Курган. В 1946 году приняла подполченный войной колхоз. Теперь хозяйство Исламовой разрослось, как куст хлопчатника от семени. И когда пытаешься осмыслить то, что сделала председательница, на ум приходит узбекская пословица: «Созревшая первая дыня даст окраску всей бачке».

Белый хлопок требовал в то время черного труда — женские руки кетменом вырывали у земли рекордные урожаи. Другие председатели получали за подобное Золотые Звезды Героев, Исламова — нет. Было горько: не слава, не трибунные похвалы нужны ей были — «спасибо», «молодец», «мы тебе верим!»

Воспоминания Рахимы-апа об этих очень трудных годах укрепили меня в уверенности, что, хотя она испытала много зла, — формировав ее добро. Наверно, это талант — так отыскивать в худшем, так это познать, такие черпать в нем силы. С первых своих предельных лет Исламова начала тот «женский» эксперимент, что принес широкую известность колхозу имени Курскрой. Почти за двадцать лет она создала прямо-таки единственное в своем роде хозяйство. Здесь всем управляют женщины — самый трудовой народ в кишлаках...

В ОДНО воскресное утро колхозная «штаб-квартира» ожила. Стала подомашнему уютной. Это Рахима-апа создала ради меня своих подруг, женщин-бригадиров. У двоих на груди Золотые Звезды Героев Социалистического Труда. «Вот мое богатство, мои дети», — сказала она мне, когда вся эта веселая пестрая стая уснаживалась. Я подумала, что узнать, понять ее подруг все равно, что еще ближе узнать, еще больше понять Рахиму-апа.

Женственная, грациозная Анвара Ташпулатова — сейчас главный агроном колхоза. Когда она была школьницей, Исламова применила в ней любовь, «привязание» к хлопку. Девочка часами готова была возиться на поле с кустами хлопчатника: «Хлопок наш красивый, он нас кормит, одевает, обувает, правит, апа!» — с удовольствием оправдывалась она перед Исламовой, если та гладала ее за уроки. Десять раз родные заставляли Анвару рвать заявление в

(Окончание на 2-й стр.)

Над чем работает...

Наш корреспондент В. Островский связался с Лашуэлье (Савона, Италия) и узнал, над чем работает известный норвежский исследователь

Тур ХЕЙЕРДАЛ

— Я работаю над вторым и третьим томами «Сообщения норвежского археологического института на островах Пасхи и в Восточных районах Тихого океана». Первый том под названием «Археология острова Пасхи» вышел в 1961 году. Второй том — «Разные сообщения о жизни людей в издательство. Мы ожидаем только статью доктора Норозова, русско-го эксперта по ронг-ронго. Статья эта, насколько мне известно, уже написана и в ближайшее время переводится в Академию наук СССР. Таким образом, второй том выйдет в свет в 1965 году, до наступления будущего года пойдет в печать и третий том, посвященный маополуни ути на Пасхи.

Эта научная работа потребовала гораздо больше времени, чем такая книга, как «Аку-аку» и в популярной форме рассказал о своем путешествии. Объясняется это тем, что в создании второго тома принимают участие сотрудники одиннадцати научных учреждений из семи стран, и им пришлось затрачивать немало усилий и времени.

Назови ваши дальнейшие планы? — Прежде всего я хочу закончить третий том, о котором я вам говорил. Что же касается моих дальнейших планов, то у меня всегда была такая установка: сначала я полностью завершу обработку результатов экспедиции, а потом уже планирую дальнейшие шаги. В тот самый день, 1 да я пишу последнюю главу, и я думаю, что о детях дельфин, а до этого — никаких решений!

Как показали последние события, вы оказались в Арлеоне Янгоби. Как вы там, насколько популярна книга о моей жизни и путешествиях. Она выйдет в свет в 1965 году. В это время текст этой книги уже отправлен Льву Игнатову, моему русскому переводчику.

без полемики УБИЙЦА И ЕГО ПОКРОВИТЕЛИ

В БРАУНШВЕЙГСКОМ тюрьме он находит себе особую лужинку. Он не привык спать на жесткой койке, и ему по душе мягкая постель, а сверху — сверкающая постель. Он мог бы принять посетителя и звонить в любое время по телефону. А в 1963 году, в прошлом году, директор потребовал для него поминутного заключения, его немедленно перевели в другую камеру, расположенную на первом этаже, поближе к выходу.

Как показали последние события, вы оказались в Арлеоне Янгоби. Как вы там, насколько популярна книга о моей жизни и путешествиях. Она выйдет в свет в 1965 году. В это время текст этой книги уже отправлен Льву Игнатову, моему русскому переводчику.

Он был удивительный... Скромный. Найдет кишмишницу и ту поделит с тобой пополам. В тридцать восемь лет даже близкие, с которыми я чай пила из одной пилы, поверили, что я враг народа. Он не верил. Я видела его еще два раза. Он приезжал ко мне в Кюми, в сельку... Добровольно ушел на фронт. За пять дней до победы.

— Как вы молчим, и кажется, обе не замечаем этого. Наконец я обращаюсь к ней, тихо-тихо: — Как вы возвращались из Кюми? — «Я оказалась в портовом городе, Олла. Время военное, у меня voltak документы. Мило все шло и шла люди, и так до темноты. Потом не старая еще женщина спросила: «Что, дочка, стоишь?» — и повела меня к себе. Половину комнаты занимала печь. Женщина сварила картофельный суп, поставила на стол вино, и мы выпили за мое будущее. Это было первое вино в моей жизни... Утром она проводила меня на вокзал и, как я ни отнекивалась, сунула мне хлеба и картошки в мундире. — Голос не слышится Рахиму-апа, и она отходит к окну.

Я почувствовала, что эту женщину в портовом городе и ту картошку в мундире Исламова запомнила отчетливее, глубже, чем горестные подробности тюрьмы и ссылки. Видимо, таковое свойство сильных душ... Она вернулась в Катта-Курган. В 1946 году приняла подполченный войной колхоз. Теперь хозяйство Исламовой разрослось, как куст хлопчатника от семени. И когда пытаешься осмыслить то, что сделала председательница, на ум приходит узбекская пословица: «Созревшая первая дыня даст окраску всей бачке».

Белый хлопок требовал в то время черного труда — женские руки кетменом вырывали у земли рекордные урожаи. Другие председатели получали за подобное Золотые Звезды Героев, Исламова — нет. Было горько: не слава, не трибунные похвалы нужны ей были — «спасибо», «молодец», «мы тебе верим!»

Воспоминания Рахимы-апа об этих очень трудных годах укрепили меня в уверенности, что, хотя она испытала много зла, — формировав ее добро. Наверно, это талант — так отыскивать в худшем, так это познать, такие черпать в нем силы. С первых своих предельных лет Исламова начала тот «женский» эксперимент, что принес широкую известность колхозу имени Курскрой. Почти за двадцать лет она создала прямо-таки единственное в своем роде хозяйство. Здесь всем управляют женщины — самый трудовой народ в кишлаках...

В ОДНО воскресное утро колхозная «штаб-квартира» ожила. Стала подомашнему уютной. Это Рахима-апа создала ради меня своих подруг, женщин-бригадиров. У двоих на груди Золотые Звезды Героев Социалистического Труда. «Вот мое богатство, мои дети», — сказала она мне, когда вся эта веселая пестрая стая уснаживалась. Я подумала, что узнать, понять ее подруг все равно, что еще ближе узнать, еще больше понять Рахиму-апа.

Женственная, грациозная Анвара Ташпулатова — сейчас главный агроном колхоза. Когда она была школьницей, Исламова применила в ней любовь, «привязание» к хлопку. Девочка часами готова была возиться на поле с кустами хлопчатника: «Хлопок наш красивый, он нас кормит, одевает, обувает, правит, апа!» — с удовольствием оправдывалась она перед Исламовой, если та гладала ее за уроки. Десять раз родные заставляли Анвару рвать заявление в

(Окончание на 2-й стр.)

ти которого ведут в Сайгон, в штаб-квартиру американской военщины. Цель этого заговора — объединить усилия лаосских правых с сайгонскими марionеточными властями в борьбе против патриотических сил обеих стран. Видимо, об этом и вел переговоры в Сайгоне генерал Фуми Носаван во время своего двухдневного визита туда в юние декабря прошлого года. Это часть общего плана, выработанного американской военщиной.

Главное условие обеспечения мира в Индокитае и во всей Юго-Восточной Азии — немедленное прекращение агрессии США против вьетнамского народа, вывод американских войск из Южного Вьетнама и Лаоса, что позволило бы народам этих стран самим, без какого бы то ни было вмешательства извне, решить свои национальные проблемы...

М ЕКОНГ... Тонким прозрачным ручейком рождается он высоко в горах Тибета, мучая, пересекает огромную территорию и вырастает в доброго великана, который способен дать обильные миллионы людей, населяющих его берега. Но для этого прежде всего необходимо мир, возможный только после того, как будет вскрыт, наконец, «сайгонский нарыв», этот опаснейший очаг инфекции Юго-Восточной Азии на берегах Меконга...

Юрий ЮХАНАНОВ
ПЛОМ-ПЕНЬ-ВЬЕНЬЯН—ХАНОН, январь

ОБНОВЛЕНИЕ БЕЗ УЩЕРБА

служба русского языка

Корней ЧУКОВСКИЙ

Питая надежду, должен он как обмануть его закон, ...

Все эти случаи обновления годовых словесных конструкций происходят тогда, когда то или иное привычное сочетание слов перестает ощущаться нами как некое смысловое единство, отдельные элементы которого были до сих пор незаметны для нас.

разам, которые вошли в их состав. Это невнимательность и есть главное условие их бытия. Здесь их природа, их суть. Если бы в русском народе наблюдалось стремление расширивать каждый из подобных «присловий», их функция прекратилась бы и они перестали бы жить в языке.

Только иностранец, еще не вполне освоившийся с чужим языком, замечает образы, которые входят в состав этих устойчивых, монолитных образований. Одна англичанка сказала приятельнице: «Мне на службе дали пичку». Этой идиомой она сообщила, что ее уволили со службы. Приятельница поняла горький смысл ее сообщения, но из нас троек образ пички был замечен только мной, иностранцем. И та, которая услышала ее, даже удивилась, когда я спросил у них, про какую пичку они говорят. Они обе не заметили этого образа именно потому, что английский язык для них — родной, и они воспринимают идиому своего языка, не выходя из его образы».

Не догадываясь, что потухшая образность — коренное качество каждой из таких идиом, без которых они не существуют, некоторые читатели требуют в письмах, чтобы возможно скорее был составлен словарь русских фразеологизмов с изложением их исторических фактов, которые их породили. Приведа, например, поговору «семь пятниц на неделе», этот словарь, по их мнению, должен поведать читателям, что будто бы существовало семь церквей, посвященных Пятнице, что усердные богомольцы в течение недели успевали посетить все семь церквей? Верно ли такое толкование? Если да, то если даже оно вполне соответствует исторической истине, эта поговорка только потому и живет в языке, что миллионы русских людей, произнося ее, не выходя из ее первоначального источника и полностью забыли его. Эта поговорка, как известно, выстраивает переменчивого, непостоянного ветрянника, на которого нельзя положиться, так как что ни день у него новые мнения. При чем же здесь тот настоящий усердный богомольец, который с похвальной упорностью из дня в день регулярно посещает одну за другой все церкви своего околотка? Ведь этот образец постоянства не имеет ничего общего с тем капризным и ненадежным субъектом, которого клеветник поговора. Таким образом, наше знание истории данной фразеологии только мешает ей выполнить свое назначение.

Конечно, для ученых языковедов и для пытливых читателей подобные толкования очень полезны (если только они основаны на подлинных фактах), но для живого русского общины миллионы русских людей в них нет ни малейшей нужды, так как идиомы языка остаются идиомами только до той поры, пока отдельные образы, входящие в их состав, остаются для нас неприемлемыми. Отсюда следует, что ускользая от прямолинейных законов элементарного «здравого смысла», причудливый, изощренный, изменчивый, сложный, вечно обогащающийся, вечно прекрасный язык, живой и бессмертный, как жизнь, подчиняется лишь законам своей внутренней логики.

«Получить пичку (to get the bird) — быть уволенным».

1. В конце прошлого года в «Литературной газете» (№ 144) была напечатана статья доцента А. Рожанского «Обновление в ущерб», где некоторые из современных писателей обвинялись в недопустимом нерешительности. Один из них, например, написал про увлеченного, хитрого мальчишку: «Он всегда из воды чистый выходит».

Автор явно хотел написать, что мальчишка «выходит сухим из воды», но из-за халатного отношения к слову у него получилось нелепая: ведь всякий из воды выходит чистым!

Так же справедливо осуждает А. Рожанский нерешительное выражение другого писателя: «...жаловался на недород, на сосед, который из него все жилы сосет».

Сосать жилы никак невозможно. Писатель по небрежности смешал два ходовых оборота: «тянуть жилы» и «сосать кровь».

Критик поступает вполне правильно, ополчаясь против такого пренебрежения к традиционным устойчивым формулам речи, заведенным нам нашими предками.

Новейшие писатели, по его утверждению, слишком часто стремятся разрушить эти устойчивые сочетания слов, не имея на то ни малейшего права, и тем самым причиняют литературе серьезный ущерб.

К таким писателям критик причисляет, например, Н. Брыкина, который позволил себе изменить старинную поговорку «знать по фунту лиха» и обновил ее таким образом: «Прохор... знал, почему фунт окононых блох...».

Критик замечает с иронией: «На фунты пошли блохи (поймай-ка их да съешь!)». Здесь я, конечно, никак не могу согласиться с почтенным ученым. Его ирония не кажется мне обоснованной. Во-первых, взвешивать лиху так же невозможно, как и взвешивать блох. А во-вторых, никоим образом не слезает валить в одну кучу два разных литературных явления и судить их одним и тем же судом.

Одно дело, когда литераторы изменяют устойчивые сочетания слов по небрежности, по недопустимой нерешительности, и другое дело, когда они применяют этот прием нарочно, с определенной писательской целью.

Н. Брыкин, заменяя в известной поговорке «фунт лиха» «фунтом окононых блох», произвел эту замену не в силу оплошности, а нарочно, сознательно, для усиления художественной конкретности образа. И, по моему, он этой цели достиг.

Вообще не следует порицать подобные языковые явления оглулом. Нужно дифференцировать их. Сурово осуждая литературные неряшливости, исконные устойчивые словосочетания, мы с полным уважением должны относиться к писателям, которые пытаются обновить таким способом штампованные формулы речи, если, конечно, при этом усиливается художественная ее выразительность.

Мои разногласия с А. Рожанским не мешают мне видеть его большую заслугу: он первый вынес на обсуждение широких читателей массу интереснейших и важнейших тем.

Его критика статьи в «Литературной газете» вызвала много читательских откликов. Иначе и быть не могло: тема живучая, близкая каждому. Дело ведь касается неприкосновенной, веками

2. Раньше всего установив, что в обычной, повседневной, так сказать, будничной речи все такие конструкции остаются неизбывными и не допускают никаких изменений. Их элемент так крепко сростился, что ни один не может быть вырван из текста и заменен каким-нибудь другим.

Попробуйте произнести малейшую замену в таких, например, сочетаниях, как «сидеть на боках», «бить баклуши», «хотят пруд пруди», «спустя рукава», «он собаку съел (в этом деле)», «подложить свинью», «втирать очки», «бежать во все лопатки», «сбавиться с панталюки», «черта с два», «от нечего делать», «паучья чаша», «сыт по горло», «свой в леску», «точить лыси» и т. д.

Никаких вариантов такие устойчивые сочетания не знают. Потому-то они и зовутся устойчивыми.

Вместо «по Сенке шапка» нельзя сказать: «по Ванке шапка». Вместо «ему сам черт не брат» нельзя сказать: «ему сам черт не дядя». Вместо «из пушки по воробьям» нельзя сказать: «из пушки по чайкам» или «по свирлякам».

И все же художники русского слова, с большим тактом, с большим остроумием не раз переиначивали эти монолитные формулы на свой лад, ради своих особых писательских надобностей. Применяя к ним термин А. Рожанского, мы можем сказать, что это были обновления без ущерба.

Всем известен фразеологизм «как мухи мрут». Именно поэтому такое сильное впечатление производит похвала Гоголевского Артемия Филипповича, замечавшего, что у него в больнице «все как мухи выдуриваются». Привычная конструкция разрушена, но этой ценой достигнут большой трагикомический эффект.

Обновляя формулу «бежать во все лопатки», Чехов в одной из своих ранних вещей изменил ее так: «целуй во все лопатки» («В вагоне»).

Смолоду Чехов очень любил извлекать каламбуры при помощи устойчивых фраз: «...дело с большим полями» («Отвернувшись любовью»).

И еще пример, наиболее наглядный из нашей современной словесности: есть у русских людей выражение, производное от автоматического: «питать надежду». Как и всякий фразеологизм, оно не допускает вариантов. Нельзя сказать: «я кормлю надежду», хотя, казалось бы, питать и кормить — одно и то же.

Но вот Маршак в шуточных стихах, обращенных к жене одного профессора, Надежде Михайловне, откликнулся на минуту от автоматического, бездумного отношения к этому обороту и заявил, что питать (то есть кормить) Надежду не намерен, так как у нее есть муж;

«...ревновать автобус голубой... Летит, колес не чуя под собой, — произведенное им сознательное обновление устойчивой конструкции «ног под собой не чуя» вполне закономерно и не вызывает возражений, так как его художественный эффект несомненен».

И хотя «зарубить на носу» в огромном большинстве случаев не допускает никаких вариантов, это отнюдь не значит, что Крылов не имел права сказать:

«...ревновать автобус голубой... Летит, колес не чуя под собой, — произведенное им сознательное обновление устойчивой конструкции «ног под собой не чуя» вполне закономерно и не вызывает возражений, так как его художественный эффект несомненен».

3. Конечно, исключениями лишь подтверждаются правила. А «правило» для всех этих формул одно: они являются собою неразложимые целое, компоненты которого не улавливаются нашим сознанием. В большинстве случаев никому и в голову не приходит анализировать и расшифровывать эти «присловья». Иррациональность — их основная примета. Они существуют вне логики, свернувшись неподатливо в клубок.

Конечно, среди говорящих по-русски встречается изредка любознательные, дотошные люди, которые вдруг задумываются над происхождением и смыслом того или иного «присловья»: один захочет узнать, почему это черт прожигает на каки-то «кучицах», а другой — по какой причине мы говорим про очень искусных умельцев, будто они в своем деле съели какого-то пса. Но это, повторяю, случается редко, такие вопросы задают единицы, а огромное большинство говорящих по-русски пользуется «присловьями», не чувствуя потребности анализировать их.

Весь главный особенностью всех этих фразеологизмов заключается именно в том, что они воспринимаются нами как нечто целостное при полном невнимании к объекту, который они обозначают.

«Просто но-вья дом? Нет! Это друзья! Во-о-и те построены для молодого человека, чтобы не забывались от скарвенных обманов, от прывычных копит денег; для разорительных твоих, обряда обрезания... Сразу и не представишь, что позарезной весной здесь пронеслось страшное наводнение. Вода сметала все, что попадалось на ее пути. Снесла и более ста домов.

— Кажется, весной у вас случилась еще одна беда? — все таки рискую спросить у Исламова, хотя мне и пора бы усвоить, что она не охотница распространяться о собственных бедах.

Она отнеслась к этому моему интересу спокойно, едва улыбаясь снисхождением даже.

— Да, весной. Вернемся, обогреемся? Если бы не наши последующие встречи — в колхозе Крупской, в Ташкенте, куда Исламова вывезла на сессию Верховного Совета республики, если бы не рассказы свидетелей этой истории, я не знала бы об очень важном.

Года два назад Рахима-апа обнаружил в колхозной отаре три сотни чужих баранов. Она распорядилась оставить их в колхозе до времени, пока владельцы явятся за ними лично. Но собственники поостереглись.

Зато в Москву были снарядные жалобщики. Две обормотные, жалкие женщины ходили там по учреждениям, плакали. Картина, действительно, рисовалась ими жутковатая. Исламова не человек — хищница. С легкой ее расстается — ею и добивается высоких урожаев; выстроила себе пять домов — а там кругом зеркала, куда она ни глянет, всюду себя видит; присвоила тысячу двести баранов и пятсот тонн зерна.

По области пополз слухом — а может, и она, как некоторые другие? — и Исламова сердцем почувала, что под угрозой не просто ее доброе имя, она сама, — нечто большее. Искать в Ташкенте, где ее уважают, защиты от оскорбительных, диких обвинений? Нет, помощи! Но какой? И вот на бумажном листке слово елеть, ставя в слово: «В связи с поступившими на меня жалобами прошу прислать в колхоз ревизию».

Рахима-апа встретила комис-

НАВЕРНОЕ, ЭТО ТАЛАНТ...

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

сельскохозяйственный институт, лучше, мол, быть экономистом или зоотехником, руководить хлопком — не женское дело! На одиннадцатый не пошла. Вмешалась Рахима-апа.

Кумри Наюмова ерзает на стуле, не успевая встать. Но тех пор, пока не выплывет: «И меня тоже воспитала Рахима-апа».

У Кумри узкие хитроватые глаза, бойкая стремительная речь и, как выясняется, — извистое прошлое.

— Двадцать лет я была спекулянткой. Потом надело. Чья бы ни человек? Никто в районе не принимал меня в колхоз. Рахима-апа приняла и даже послала на съезд женщин в Ташкент. Она сказала мне тогда: «Отправляйся, посмотри вокруг, может, и твое сердце забьется по-настоящему».

На съезде Кумри уселась в первый ряд — а куда же еще, если сама Исламова решила ее воспитывать? В интервью она назвалась бригадиром.

Когда газета пришла в кишлак, там свхатились за головы. Вот уж истинно — с такой свхатились, все равно, что от увеселительного гула, как будто молот по спине. Чтобы спасти Наюмову от позора (а в ней и энергии, и силы, и ловкости — хоть отбавляй!), Исламова в самом деле назначила ее бригадиром.

шаясь за тракторами, дышала свободно и глубоко, обещала будущее изобилие. Перед тракторами стояли миллионы и не пуская их дальше. Стояли на желтой, оттаившей хлопку свои свои земли и, выполняя неумное распоряжение, требовали: прекратите пахоту, свой урожай уберите, ступайте в отступающие колхозы!

Тракторы в хозяйстве Исламовой не остановились. Бригадир Мурадова отказалась подчиниться одному такому ретивому исполнителю недальновидного приказа и в сердцах наградил его распиской: «Я, Хайринисо Мурадова, пишу настоящую расписку в том, что в 1964 году моя бригада дала по 30 центнеров хлопка с гектара, а в 1965-м мы обязуемся дать по 35 центнеров. А потому пахала и буду пахать. Как хотите, так и действуйте».

Тот до сих пор эту расписку носит в кармане и всем показывает — «вот каких разбойников воспитывает Исламова!».

На свежем снежном ковре остаются наши следы. Рахима-апа задерживается у арбы.

— Черт знает, как тяжело она, председательская ноша! Ты и экономист, и агроном, и психолог... И очень привыкла к образцу «апа» (сестра). Когда меня называют «Исламова», я вздрагиваю.

Я почти уверена, что угадала ход ее мыслей. Председательнице пришлось долгие уроки слышать от мужчин: «Разве вы мужики? Допускаете жен, матерей ваших детей, чистите арбы, часами находите в воде по пояс! Постепенно вся сильная половина человеческого рода из колхоза Крупской стала «мужинами». Да, трудно сдавать в срок первоурожай хлопком, особенно, если непогода принуждает перевернуть его. Но еще труднее ядта против течения дурных привычек и традиций.

Мы минуем улицу за улицей. Некоторые из них хмурятся громкими дулами, глинобитными призматическими зданиями.

Сотрудник Института металлургии имени А. А. Байкова Академии наук СССР Р. А. Каресев — первый советский ученый, защитивший докторскую диссертацию в США. Он пробыл два с половиной года в одном из технологических институтов Америки. Тема работы молодого ученого посвящена кинетике и механике взаимодействия газов с жидкими металлами. Эта диссертация имеет большое значение для науки.

РАЗГОВОР С ЧИТАТЕЛЕМ

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ
Пригласительный билет был оформлен столь празднично с такой выдумкой, что любой мальчишка, заглянувший в него, наверняка захотел бы побывать на этой киноконференции.
И действительно, зал детского кинотеатра переполнен. На трибуну поднимаются пожилой человек в военной гимнастерке — бывший капитан.
После него один за другим поднимаются на трибуну мальчишки и девочки с пионерскими галстуками и деловито раскладывают перед собой тетрадные листочки с «отзывами о просмотренных кинофильмах» (о «Чапаеве» в том числе), как было указано в билете. Они не бубниют, а, напротив, очень умело акцентировали текст, воскалечающие обороты... Но от всего этого становится еще туже в груди.
На конференцию ожидали ударника коммунистического труда. Однако он не явился. И все же девочка, которой полагаются выступать после него, подмигнув на трибуну, начала со слов: «Вот я сейчас слушаю Ивана Александровича и подумала...». При этом она, как ее и учили, повернулась к присутствующим.

ЛЕОНИД ЛИХОДЕЕВ

горьчески не ставил вопроса о том, что человека надо приучать думать самостоятельно, выражать свою личность и отвечать за свои действия. Культ личности — это как раз то самое состояние, когда никакая личность не должна быть выше. Но культ личности разоблачен. Почему же до сих пор нет-нет да и перепархивают исподтишка та самая астафета? Почему люди, которые ее настояще передают, совершенно не заботятся о сущности того, что делают?

Потому что им так легче жить. Потому что им так легче самоутверждаться. Потому что им так легче пристойно выглядеть в сводках.

Но легкость эта достигается за счет самоутверждения и чести других людей — в данном случае — детей. — чье несчастие заключается в том, что они попали под их начало.

Действо, которое описывает Э. Виноградская, есть просто возвращение мажорности. Надо называть вещи своими именами. Иначе мы никогда не поймем, о чем разговариваем. А разговор идет о том, что педагог заставляет выстроить девочку чужие мысли, слова и выдавать их за свои, учит детей презирать самих себя.

Эта самая бойкая девчуженка, которая «подкупала» о речи Ивана Александровича, не думала о ней ни секунды. Она не думала о ней не потому, что Иван Александрович не оказался в момент ее размышлений за столом президиума. Она не думала вообще. Ее заставили врать задолго до курьеза. Для нее Иван Александрович — это некая абстракция. Он — ударник коммунистического труда. И ей точно сказали, что произнесет ударник коммунистического труда. Иван Александрович в глазах ее руководителя существует для примера. Но Иван Александрович, так Александр Иванов. Какая разница! Для примера.

«ПЕДАГОГ» вместо того, чтобы тут же на месте быть дисквалифицированным за то, что его действия прямо противоположны его педагога, назначению, получает благодарность за прекращение воспитательную работу.

А девчуженки-мальчишечки? Девчуженки-мальчишечки начинают после одного-двух таких представлений понимать, что все делается не вразумительно, а для примера. И не оставши этот процесс умный педагог, начнут ребята познавать основы лицемерия не посредством молверовского Тартюфа, не путем знакомства с классиками и не вследствие горьких споров в своей среде, а впитают эти основы в себя как нечто должное, как нечто естественное. А потом мы, столкнувшись с таким юным мудрецом, удивляемся скрытности его и двуличию и разводим руками — откуда, мол, взялся этот бяка...

А недавно один мальчик упикался. Ему семь лет. Он в первом классе довольно примерной школы. Он еще маленький. Академический час оказался слишком длинным для его неокрепшей природы. И вот образцовая учительница вызывает его к доске и говорит:

Дети! Смейтесь над ним. Конечно, она это сделала для примера. Что другим непозово было. И дети смеялись. Педагогический эффект был достигнут. Но с мальчиком была истерика. Он, бедный, еще не знал, что его топчут в общественно-показательном смысле. В нем бесновалась крохотная личность. Он не знал, что дать себя публично оплевывать — это высокая честь, которая по плечу не каждому юристу. Ему был присущ стыд. И первое чувство, которое в нем возникло, — это ненависть к школе.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

